

Таким образом, в литературе древней Руси, с самого начала ее возникновения и вплоть до монгольского завоевания, существовало два литературных направления, которые находились между собой в сложной взаимосвязи, до настоящего времени еще полностью не выясненной.

Одним из наиболее выраженных образцов второго направления был древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы² — самое «античное» по составу и источникам произведение этой группы.

Среди памятников, сохранивших античные мифологические или исторические реминисценции, нужно назвать также Хронику Георгия Амартола, Александрию, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Пчелу» и др.

Новая для древнерусского читателя античная стихия Хроники Малалы и произведений ее круга закреплялась в его сознании в первую очередь через определенную систему образов и связанные с ней слои лексики.

В связи с этим при изучении отголосков античной традиции в русской домонгольской литературе необходимо в первую очередь обратиться к античной, и в частности мифологической лексике, наиболее богато представленной в переводе Малалы. Именно этот слой лексики памятника свидетельствует о степени античной образованности древней Руси, об освоении и осмыслении древнерусскими книжниками и читателями античной, а через нее и всемирной истории и культуры в связи с древнерусской историей и культурой.

Бытование этой лексики в списках того или иного памятника, и в частности в списках Хроники Иоанна Малалы, ее изменение и глоссирование, показывают нам, что и в какой степени знал древнерусский читатель о древнем дохристианском мире, как относился к тем или иным его героям, деятелям, событиям, явлениям, что было ему особенно интересно, близко, понятно и как эти новые сведения соотносились в его сознании с современной ему действительностью.

Античная лексика древнеславянского Малалы представлена в основном именами собственными, среди которых нужно различать два слоя: 1) мифологическую лексику (имена мифологических персонажей — богов и героев) и 2) историческую лексику (имена исторических лиц — поэтов, философов, государственных деятелей).

Эти же два слоя мы встречаем и в Хронике Амартола, и в Александрии (при значительно более бедном ряде мифологических имен). «История Иудейской войны», написанная представителем иудейского монотеизма, включает только имена исторических лиц, живших в определенный, охваченный «Историей» период.

Нужно сразу отметить, что ни для самого Малалы, ни для древнерусского читателя тем более такого разделения не существовало. Для греческого хрониста, а затем для древнерусского читателя мифологические персонажи мыслились как реальные исторические лица.

² Издание текста см.: В. М. Истрин. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки Академии наук, сер. VIII, т. I, № 3, СПб., 1897; Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. II. — В кн.: Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете (далее: Летопись), т. X, Византийско-славянское отделение, вып. VII, Одесса, 1902; то же, кн. IV. — Там же, т. XIII, вып. VIII, Одесса, 1905; то же, кн. V. — Там же, т. XVI, вып. IX, Одесса, 1910; то же, кн. VI—VII. — СОРЯС, т. 89, вып. 3, СПб., 1911; то же, кн. VIII—IX. — СОРЯС, т. 89, вып. 7, СПб., 1912; то же, кн. X. — В кн.: Летопись, т. XXII, Одесса, 1913; то же, кн. XI—XIV. — СОРЯС, т. 90, вып. 2, СПб., 1913; то же, кн. XV—XVIII. — СОРЯС, т. 91, вып. 2, Пгр., 1914. В дальнейшем в тексте в круглых скобках римской цифрой обозначается номер книги Хроники, арабской — страница.